

Рильке Райнер Мария

Заметки Мальте-Лауридс Бригге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Райнер Мария Р.**
Заметки Мальте-Лауридс Бригге / Рильке Райнер Мария – М.: Книга по Требованию, 2023. –
158 с.

ISBN 978-5-519-80712-8

ISBN 978-5-519-80712-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

давно уже здѣсь... проходить. И снова улица. Какая-то дѣвушка взвизгиваетъ: Ah, tais toi, je ne veux plus! Стремительно, въ страшномъ волненіи, приближается электричка, шумъ ея покрываетъ собою и крикъ и все остальное и—прочь, прочь... Кто-то зоветъ. Бѣгутъ люди, перегоняютъ другъ друга. Лааетъ собака. Какое облегченіе—собака! А на разсвѣтъ гдѣ-то даже поетъ пѣтухъ, и это вызываетъ во мнѣ чувство безграничнаго блаженства. И потомъ я вдругъ засыпаю.

Вотъ какіе здѣсь бываютъ шумы. Но есть нѣчто, что гораздо ужаснѣе—тишина. Мнѣ кажется, что на большихъ пожарахъ иногда наступаютъ такіа мгновенія наивысшаго напряженія: водяныя струи изсякаютъ, пожарные перестаютъ взбираться наверхъ, никто не трогается съ мѣста... Безъ звука въ высотѣ вырисовывается черный корпусъ, и безъ звука рушится высокая стѣна, изъ-за которой къ небу вздымается пламя. Всѣ стоятъ съ поднятыми плечами, запрокинутыми лицами, сморщивъ лбы надъ глазами, и ждутъ ужаснаго удара. Такова здѣсь тишина.

Я учусь видѣть. Не знаю почему, но теперь все, рѣшительно все, проникаетъ въ меня гораздо глуб-

же, чѣмъ прежде, а не остается тамъ, гдѣ раньше все кончалось. У меня оказывается внутренній міръ, о которомъ я ничего не зналъ. Все теперь уходитъ туда. И я не знаю, что творится въ немъ.

Сегодня я писалъ письмо, при чемъ вспомнилъ, что нахожусь здѣсь всего три недѣли. Три недѣли, проведенныя гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, напри-мѣръ, въ деревнѣ, могли пройти какъ одинъ день; здѣсь же онѣ тянутся словно года. Я не хочу больше и писемъ писать. Зачѣмъ мнѣ кому бы то ни было сообщать, что я постепенно измѣняюсь? Если я измѣняюсь, то уже не остаюсь тѣмъ, чѣмъ былъ, а если я иной, нежели раньше, то ясно, что у меня уже нѣтъ знакомыхъ. А чужимъ людямъ, людямъ, которые меня не знаютъ, я никоимъ образомъ писать не могу.

Говорилъ ли я уже, что учусь видѣть? Да, начинаю. Пока еще дѣло плохо подвигается. Но я хочу использовать свое время. Напримѣръ, я никогда не отдавалъ себѣ отчета, какое множество на свѣтѣ разныхъ лицъ. Есть люди, которые цѣлыми годами носятъ одно и то же лицо, и оно, конечно, изнашивается, пачкается, протирается на складкахъ, растягивается, словно перчатка, надѣваемая въ дорогу. Это люди экономные, простые; они не мѣняютъ своего лица и даже не отдаютъ его

въ чистку. И такъ хорошо, говорятъ они; кто же можетъ доказать имъ противное? Но тогда является вопросъ, что же они дѣлають съ остальными физіономіями—такъ какъ у нихъ ихъ нѣсколько? Сохраняють: пригодятся, молъ, дѣтямъ. Но случается, что ими пользуются ихъ псы, когда выходятъ со двора. Почему бы нѣтъ? Физіономія остается физіономіей.

Другіе же до жути быстро мѣняють свое обличье, надѣвають одно лицо за другимъ и всѣ ихъ изнашиваютъ. Сначала имъ кажется, что на ихъ вѣкъ хватитъ разныхъ лицъ, но уже къ сорока годамъ оказывается, что они истаскали послѣднее, остававшееся у нихъ въ запасѣ. Въ этомъ, понятно, есть своего рода трагизмъ. Они не привыкли беречь свои лица—послѣднее носили какихъ-нибудь восемь дней, послѣ чего оно стало тонкимъ, какъ бумага, на немъ появились протертыя мѣста, и мало-по-малу показалась наружу подкладка — ихъ безличіе, и имъ остается только разгуливать по свѣту въ такомъ видѣ. Но женщина, та женщина! она вся, вся ушла въ себя, перегнувшись впередъ втиснула лицо въ свои руки. Это было на углу улицы Notre Dame des Champs. Я, какъ только замѣтилъ ее, такъ сейчасъ же, насколько возможно, замедлилъ шаги. Когда думаютъ бѣдняки, не слѣдуетъ мѣшать имъ. Кто знаетъ? А можетъ быть, они и додумаются до чего-нибудь.

Улица была слишкомъ пустынна, и безлюдіе ея скучало, вызывало шаги изъ-подъ ногъ моихъ и постукивало ими то тутъ, то тамъ, точно деревянными башмаками. Женщина вздрогнула и слишкомъ быстро, слишкомъ порывисто, оторвалась сама отъ себя, такъ что лицо ея осталось въ ладоняхъ. И я видѣлъ его въ нихъ, видѣлъ его выпуклость, вдавленную въ полныя руки. Мнѣ стоило неимоверныхъ усилій не отрывать взгляда отъ этихъ рукъ и не глядѣть на то, что оторвалось отъ нихъ. Страшно видѣть изнанку лица, но еще гораздо страшнѣе голую, ободранную голову безъ лица.

Я боюсь. Противъ страха—разъ онъ появился—надо принять какія-нибудь мѣры. Было бы отвратительно заболѣть здѣсь; и если бы тогда пришло кому-нибудь въ голову свести меня въ Hôtel Dieu, то я обязательно умеръ бы въ немъ. Отель этотъ пріятенъ и страшно посѣщаемъ. Почти нѣтъ возможности разсмотрѣть фасадъ собора со стороны Парижа, не подвергаясь опасности быть раздавленнымъ однимъ изъ экипажей, постоянно пересѣкающихъ площадь, потому что имъ необходимо какъ можно скорѣе подѣхать къ отелю. Экипажи эти нѣчто въ родѣ маленькихъ омнибусовъ, непрерывно звонящихъ въ колокольчикъ;

самому герцогу де-Саганъ пришлось бы пріостановить свою карету, если бы какому-нибудь плохонькому умирающему втемяшилось въ голову во что бы то ни стало прямикомъ проѣхать въ Божій отель. Умирающіе упрямы, и весь Парижъ обязанъ останавливаться, если какая-нибудь m-me Леранъ, торгующая на улицѣ des Martyrs подержанными вещами, ѣдетъ въ упомянутое мѣсто Cité. Надо замѣтить, что эти чертовскія маленькія повозки снабжены очень таинственными молочными стеклами, такъ что фантазія можетъ рисовать себѣ за ними самыя прекрасныя агоніи; для этого достаточно обладать воображеніемъ консержки. Если же имѣть болѣе сильное, нѣсколько склоняющееся въ сторону необычнаго, всевозможнымъ предположеніямъ не будетъ границъ. Но я видѣлъ, что туда подѣзжали и открытыя дрожки, дрожки съ поднятыми верхами, нанятыя по обычной таксѣ—два франка за часъ умиранія.

Этотъ превосходный отель очень старъ: въ немъ уже во времена короля Клодвига умирали на нѣсколькихъ кроватяхъ; въ настоящее же время въ немъ умираютъ на пятистахъ пятидесяти девяти разѣ. Понятно, нѣсколько фабричнымъ способомъ. При такомъ громадномъ производствѣ каждая отдѣльная смерть выполняется не столь тщательно, но вѣдь и не въ этомъ дѣло; дѣло въ количествѣ. Кто въ наше время дастъ хоть что нибудь за пре-

красно разработанную смерть? Никто. Даже люди богатые, которые, кажется, могли бы позволить себѣ умереть съ прохладцей, и то становятся въ этомъ отношеніи небрежными и равнодушными; желаніе умереть своей собственной, присущей только себѣ самому смертью становится все рѣже. Еще немного—и оно станетъ столь же рѣдкимъ, какъ и своя собственная жизнь. Боже мой, все это уже имѣется на свѣтѣ въ готовомъ видѣ—уже при рожденіи человѣкъ находитъ готовую жизнь и ему остается лишь натянуть ее на себя. Самъ ли желаешь умереть, или вынужденъ къ этому,—все равно усилій дѣлать не приходится.

Умираютъ, какъ попало, смертью, соотвѣтствующей болѣзни, которой страдаешь (потому что съ тѣхъ поръ, какъ всѣ болѣзни стали извѣстны, узнали и то, что извѣстнаго рода смерть соотвѣтствуетъ такой-то болѣзни, а не человѣку, и больному, такъ сказать, остается только принять ее).

Даже въ санаторіяхъ, гдѣ люди умираютъ такъ охотно и съ такой благодарностью къ докторамъ и сидѣлкамъ, все-таки умираютъ смертью, принятой въ данномъ заведеніи, и къ этому относятся благосклонно. Но когда умираютъ у себя дома, то, естественно, приходится избирать корректную кончину, принятую въ порядочныхъ кругахъ, составляющую какъ бы первый актъ похоронъ перваго разряда и его прекраснаго церемоніала. Въ подобныхъ случаяхъ бѣдняки толпятся передъ до-

момъ и не могутъ досыта налюбоваться всѣмъ происходящимъ. Ихъ смерть, конечно, будетъ банальна, безо всякихъ проволочекъ; они должны радоваться и тому, если на ихъ долю выпадаетъ кончина хоть мало-мальски подходящая къ нимъ. Пусть она окажется слишкомъ большой—не бѣда, можно потянуться; а вотъ, если она не сойдется на груди, или начнетъ душить за горло—вотъ тогда нехорошо.

Когда я вспоминаю о нашей семьѣ, изъ которой никого не осталось въ живыхъ, мнѣ кажется, что въ прежнія времена, вѣроятно, было иначе. Прежде люди знали (или, по крайней мѣрѣ, предчувствовали), что носятъ въ себѣ зачатокъ своей собственной смерти. Дѣти вмѣщали въ себѣ маленькую смерть, а взрослые—большую. Но она уже была заложена въ нихъ, и это-то придавало имъ необычайное достоинство и молчаливую гордость.

Дѣдъ мой, камергеръ Бригге, еще носилъ въ себѣ свою собственную смерть. И что за смерть! она длилась два мѣсяца и до того бушевала, что ее было слышно даже во всѣхъ надворныхъ строеніяхъ. Длинный, старый господскій домъ не могъ вмѣстить такой смерти—казалось, что къ нему нужно пристроить еще боковыя крылья, потому что тѣло камергера захватывало все большее и большее пространство, и онъ все время требовалъ, чтобы его переносили изъ одного по-

мѣщенія въ другое, и страшно гнѣвался, когда уже больше не оставалось комнатъ, въ которыхъ бы онъ не полежаь, а день не склонялся еще къ концу. Въ такихъ случаяхъ его относили по лѣстницѣ наверхъ, въ комнату блаженной памяти матушки; его сопровождала толпа слугъ, служанокъ и собакъ, которыхъ онъ всегда держалъ при себѣ — дворецкій шелъ впереди. Комната содержалась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находилась двадцать три года тому назадъ, когда матушка изволила скончаться. Обыкновенно никто и никогда не смѣлъ посѣщать ее. А тутъ въ нее врывалась цѣлая ватага. Занавѣси отдергивались, и здоровый послѣобѣденный лѣтній свѣтъ принимался разсматривать оробѣвшіе и испугнутые предметы и неуклюже отражался въ зеркалахъ, съ которыхъ срывали покрывала. Люди поступали такъ же. Иныя горничныя, отъ избытка любопытства, забывали даже, какъ надо держать руки, молодые лакеи на все таращили глаза, а пожилые слуги старались припомнить рассказы о запертой комнатѣ, въ которой они въ настоящее время благополучно находились. Но пребываніе въ комнатѣ, гдѣ всѣ предметы имѣли свой собственный запахъ, дѣйствовало возбуждающимъ образомъ прежде всего на собакъ... За спинками креселъ хлопотливо бѣгали взадъ и впередъ громадныя, тонкія, русскія борзые; потомъ онъ

длинной, раскачивающейся походкой, точно танцуя, пробирались поперекъ комнаты; у оконъ, словно звѣри на гербахъ, поднимались на заднія лапы, а тонкія переднія клали на бѣлый съ золотомъ подоконникъ и поворачивая острую морду съ покатымъ лбомъ то направо, то налево, напряженно разглядывали дворъ. Маленькіе, желтые, какъ шведскія перчатки, таксики залѣзали на широкія штофныя кресла у окна, и ихъ фізіономіи выражали, что все обстоитъ благополучно; жесткошерстая лягавая собака съ недовольнымъ видомъ терлась спиной объ золоченныя ножки столика, отчего на его расписной доскѣ вздрагивали севрскія чашки.

Да, въ этихъ случаяхъ, для заспанныхъ и теперь словно растерявшихся вещицъ наступало ужасное время. Случалось, что изъ книги, которую неуклюже раскрывала чья-нибудь торопливая рука, выпархивали лепестки розъ и ихъ тутъ же растаптывали; или кто-нибудь хваталъ маленькую, хрупкую вещицу, и она моментально оказывалась сломанной, послѣ чего ее снова ставили на прежнее мѣсто; иногда что-нибудь согнутое совали за занавѣсъ или даже бросали за позолоченную сѣтку камина. А время отъ времени что-нибудь падало, глухо ударяясь о коверъ или съ рѣзкимъ шумомъ о паркетъ, но въ томъ и въ другомъ случаѣ вещь или звонко разлеталась на куски, или почти

беззвучно разваливалась, такъ какъ избалованныя бездѣлушки не переносили даже наилегчайшаго паденія.

Если бы кому-нибудь тогда пришло въ голову спросить, почему на эту комнату, всегда такъ старательно охранявшуюся, теперь вдругъ обрушивалась гибель—былъ бы возможенъ лишь одинъ отвѣтъ—по случаю смерти.

По случаю умиранія камергера Христофора Деллева Бригге изъ Ульсгаарда. Потому что его громадное тѣло, точно вылѣзая изъ темно-синяго мундира, лежало посреди комнаты и не шевелилось. На его большомъ, совсѣмъ чужомъ и никому неизвѣстномъ лицѣ глаза оставались сомкнутыми—онъ не видѣлъ, что творится вокругъ. Сначала хотѣли было уложить его на кровать, но онъ воспротивился, потому что возненавидѣлъ постели съ первыхъ же ночей своей болѣзни. Къ тому же здѣшняя кровать оказалась слишкомъ маленькой для него, и его пришлось опустить на коверъ, такъ какъ онъ не позволилъ нести себя обратно.

И вотъ онъ лежалъ, и можно было подумать, что онъ уже мертвъ. Когда начинало смеркаться, собаки одна за другой тихонько прокрадывались въ полураскрытыя двери и только та, что была съ жесткой шерстью и угрюмой мордой, продолжала сидѣть рядомъ со своимъ хозяиномъ, положивъ одну изъ своихъ широкихъ, мохнатыхъ лапъ на